

Екатерина Мордвинцева

**Срочно требуется помощница.
Любовь не предлагать**

УДК 82-3
ББК 84-4
М79

Мордвинцева Е.

М79 Срочно требуется помощница. Любовь не предлагать / Екатерина Мордвинцева. – М.: Литнет, 2026. – 198 с.

ISBN 978-5-524-00460-4

Правило первое: не паниковать. Правило второе: оценить ресурсы. Правило третье: составить план. Алиса следует своему внутреннему протоколу даже тогда, когда падает с водопада в мир с двумя лунами. Её находка – шанс для графа Вальтера фон Адлера спасти сына от судьбы, которая забрала у него жену. Их договор: её аналитический ум в обмен на крышу над головой. Но что делать, когда холодные расчёты сталкиваются с тёплой, живой и абсолютно непредсказуемой реальностью? Когда самые строгие правила оказываются бессильны перед тем, что нельзя прописать в контракте?



Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00460-4

© Литнет, 2026

© Мордвинцева Е., 2026

Глава 1

Мой последний рабочий день начался с того, что я пришла в офис на час раньше. По привычке. По идиотской, вымуштрованной годами привычке, которая уже не имела никакого смысла. Контр-пропуск на проходной щёлкнул с тихим, предательским звуком – «доступ аннулирован».

Охранник, новый, которого я ещё не успела внести в свой внутренний справочник «Знакомые лица/Имена», кивнул мне с безразличным сочувствием и вручную открыл турникет. «Сокращённым, – говорил его взгляд, – проходите».

Коридор на восемнадцатом этаже был пуст и молчалив. Только гул кондиционеров и приглушённый звон где-то в стенах – вероятно, тянули оптоволокно. Свет давали только дежурные лампы, и мой кабинет, вернее, бывший мой бокс в open-space, тонул в сияющих сумерках. Я включила свет.

Моё пространство – метр двадцать на метр восемьдесят – уже не было моим. Оно было стерильным, как операционная после уборки. На столе, застеленном серым сукном, лежали три аккуратных картонных коробки. Я сама их сложила вчера, после официального уведомления.

На каждой коробке – инвентарная опись, напечатанная на листе А4 и аккуратно приклеенная скотчем по всем четырём сторонам. Моё имя, отдел, дата.

Коробка № 1 (канцелярия):

Ручка Parker Sonnet (чёрные чернила, перо F) – 1 шт. Гелевые ручки Pilot G-2 (синий, 0.7 мм) – 3 шт.

Степлер BoStitch – 1 шт. Скобы № 10–1 коробка.

Линейка стальная 30 см – 1 шт. Корректирующая лента – 2 шт. Стикеры цветные, набор – 1 шт. Коробка № 2 (личные предметы):

Фотография в рамке (мама, дача, 2015 г.) – 1 шт. Керамическая чашка «Не буди юриста до кофе» – 1 шт. Запасной свитер (чёрный, V-neck) – 1 шт.

Аптечка первой помощи (минимум) – 1 шт. Зонт складной – 1 шт.
Коробка № 3 (документы, копии):

Трудовая книжка (ксерокопия, заверенная) – 1 комплект. Дипломы и сертификаты (копии) – 1 папка.

Ключевые проекты за 2022–2023 гг. (архив на флешке и распечатка оглавления) – 1 шт.

Кактус «Цереус», упакованный в пузырчатую плёнку – 1 шт.

Кактус звали Генрихом. Я поливала его каждый вторник и пятницу, отмеряя ровно 30 мл дистиллированной воды из мерного стаканчика. Он никогда не цвёл, но и не умирал. Просто был. Стабильной, немой, колючей точкой в моей системе координат.

Я села в кресло, которое уже не моё, и включила компьютер. Пароль сработал. Последний раз. На экране заставка – нейтральная, стандартная, горный пейзаж от IT-отдела. Ничего личного. Я открыла календарь.

Сегодняшний день был пуст. Ни звонков, ни встреч, ни дедлайнов. Только одна автоматическая пометка, внесённая системой две недели назад: «Последний рабочий день. Сдача оборудования. В 15:00 – финальная встреча в переговорной «Альфа» (HR)».

Время – 08:17. До встречи с отделом кадров – шесть часов сорок три минуты.

До конца моей карьеры в «Векторе» – шесть часов сорок три минуты.

До конца всего, что я считала надёжным фундаментом своей жизни... примерно столько же.

Люди начали подтягиваться к девяти. Шум голосов, смех у кофемашины, скрип кресел. Мой островок молчания был словно обнесён невидимой стеклянной стеной. Ко мне подошла только Маша из соседнего отдела, та самая, что всегда брала мою синюю гелевую ручку и никогда не возвращала. Она положила на край стола шоколадку «Алёнка».

– Ал, держись, – пробормотала она, быстро, чтобы не видеть моих глаз. – Ты крутая. Всё наладится.

Она убежала. Шоколадка лежала на столе, ярко-жёлтая, инородное тело в моём выверенном до миллиметра пространстве. Я взяла её, положила в ящик, который уже был пуст, и закрыла. Всё должно быть на своих местах. Даже в последний день.

В десять позвонила мама. Я вышла в стеклянную капсулу для звонков.

– Аллочка, ты как? Ну что там?

– Всё в порядке, мам. Отрабатываю последний день. Всё цивилизованно.

– Цивили... Ну, ладно. А выходное пособие? А рекомендации?

– Всё будет. Всё прописано.

В её голосе звучала та же паника, что клокотала у меня где-то под рёбрами, но мы обе делали вид, что всё под контролем. Мы, Соколовы, так умеем. Держать лицо. Соблюдать протокол. Даже когда мир рушится.

– Приезжай тогда на дачу, отдохнёшь, – сказала она, и я слышала, как она сдерживает дрожь.

– Обязательно. Составлю список продуктов, которые нужно взять.

После звонка я ещё минут пять смотрела на город за стеклом. Он жил своей жизнью, упорядоченной и безразличной. Машины ползли по своим полосам, люди шли по тротуарам. Всё по плану. Только мой план кончился.

Паническая атака подкралась не как цунами, а как ядовитый туман. Сначала – лёгкое головокружение, когда я пыталась открыть файл с отчётом за прошлый квартал, просто чтобы чем-то занять руки. Буквы поплыли. Потом в ушах зазвенело. Я закрыла глаза, сделала глубокий вдох, как учили в той единственной статье про когнитивно-поведенческую терапию, которую я когда-то законспектировала.

«Симптом: учащённое сердцебиение. Действие: дыхание 4–7–8. Вдох на 4, задержка на 7, выдох на 8».

Не работало.

Сердце не билось, оно трепыхалось, как пойманная птица. Ладони стали ледяными и липкими. Воздух в кабинете, который всегда был прохладным и свежим, вдруг стал густым, спёртым. Мне не хватало кислорода. Я пыталась вдохнуть полной грудью, но лёгкие не расширялись, словно их сдавили тугие бинты.

Это было невыносимо. Не из-за страха смерти – нет. Из-за потери контроля. Мой собственный организм, эта биологическая машина, которую я содержала в порядке правильным питанием, графиком сна и ежегодной диспансеризацией, взбунтовался. Он вышел из-под управления. Система дала сбой в самой главной, базовой подпрограмме – в поддержании жизни.

Я встала, стараясь двигаться плавно, чтобы не привлечь внимания. Пошла к туалету. Умылась ледяной водой. Смотрела в зеркало на своё бледное лицо, на широкие зрачки. «Алиса Соколова, тридцать два года, юрист.

Сокращена. В панике». Факты. Только факты. Они не помогали.

Именно тогда пришло приглашение в календарь: «Срочно. Переговорная «Альфа». Виолетта Эдуардовна (HR), Дмитрий Петрович (начальник юридического отдела)». Встречу перенесли. С 15:00 на 11:30. Не дали дотерпеть до конца. Решили поскорее отрезать.

Переговорка «Альфа» пахла новым пластиком и страхом. Длинный стеклянный стол отражал безликий потолочный свет. Виолетта Эдуардовна сидела с видом скорбящей, но непреклонной жрицы кадрового ритуала.

Дмитрий Петрович, мой бывший начальник, избегал моего взгляда, уставившись в свой ноутбук.

– Алиса Викторовна, мы ценим ваш вклад, – начала Виолетта, и её голос прозвучал как запись плохого аудиогида. – Решение далось руководству нелегко, но это глобальная оптимизация... Ваше выходное пособие рассчитано в полном соответствии с ТК, разумеется. И рекомендательное письмо мы подготовим...

Она говорила, а я смотрела на её ярко-красную помаду. Контур был слегка смазан в уголке губ. Деталь. Глупая, ничтожная деталь, на которой можно было зацепиться, чтобы не упасть в эту черноту, накатывающую с краёв сознания.

Но чёрное наступало. Звон в ушах нарастал, превращаясь в рёв. Сердце колотилось так, что, казалось, его стук слышат все в комнате. Я сжала руки под столом, впиваясь ногтями в ладони. Боль — это ясно. Боль — это точка опоры.

— ...так что мы надеемся на понимание с вашей стороны, — закончила Виолетта Эдуардовна и посмотрела на меня ожидающе.

Я открыла рот. Мне нужно было сказать что-то. Что-то деловое, цивилизованное. «Благодарю за сотрудничество». «Понимаю ситуацию на рынке». Но из горла вырвался только сдавленный, хриплый звук. И предательская дрожь в губах.

— Мне... нужно выйти, — выдавила я, и мои собственные слова прозвучали до боли чётко и громко в оглушающей тишине комнаты.

Я не помнила, как встала. Как прошла между кресел. Как открыла тяжелую дверь переговорки. Я шла по коридору, и стены казались мягкими, плывущими. Голоса коллег доносились как из-под воды. Кто-то окликнул меня. Я не обернулась.

Лифт. Зеркало в лифте. В нём стояла незнакомая женщина с пустыми глазами и идеально гладкой, собранной причёской. Это была я. И это была не я.

В машине я просидела минут десять, просто уставившись в точку на торпедо. Дыхание выравнивалось, но внутри всё ещё тряслось, как желе.

Куда? Вопрос висел в воздухе, густой и неразрешимый.

Домой? В квартиру, где уже ждали коробки из офиса? Где на холодильнике висел календарь с вычеркнутыми делами, последнее из которых было «Встреча с HR»? Нет. Я не могла.

Руки сами выполнили привычные движения: ключ, ремень, зеркало. Двигатель завёлся с тихим урчанием. Палец сам потянулся

к навигатору, ткнул в меню «Избранное». Там было только два пункта: «Дом» и «Офис». Я закрыла глаза и ткнула в случайное место на карте, увеличила. Горный массив. Природный парк. «Гремячинский водопад. 127 км».

Без мыслей. Без плана. Просто точка на карте. Просто вектор движения. Это было единственным, что удерживало меня от того, чтобы просто раствориться в кресле и исчезнуть.

Я поехала. Сначала по трассе, потом по узкому серпантину. Лес по бокам становился гуще, воздух холоднее. Окна были открыты, и ветер, свистящий в ушах, постепенно сдувал осколки паники, оставляя только пустоту и странное, леденящее спокойствие. Я не думала. Я была просто телом, ведущим машину по извилистой дороге.

Водопад. Я никогда не любила туристов, природу «для галочки», но это... это было нечто иное.

Я оставила машину на пустой стоянке, прошла по мшистой тропинке. Шум нарастал с каждым шагом – сначала лёгкий гул, потом рокот, и наконец, всепоглощающий, первобытный рёв. Воздух вибрировал. На лице оседала мельчайшая водяная пыль.

И вот он.

Стена воды, низвергающаяся с высоты пятиэтажного дома. Белая, яростная, неудержимая. Она разбивалась о чёрные, отполированные веками валуны, вздымая облако искрящейся взвеси. Это не было красиво. Это было могуче. Это был хаос в чистом виде – неконтролируемый, неорганизованный, не вписывающийся ни в какие таблицы. И от этого зрелища у меня внутри что-то щёлкнуло.

Мой собственный хаос, сжатый в комок под грудью, вдруг встретился с этим внешним, грандиозным. И он показался таким ничтожным. Таким смешным. Сокращение? Увольнение? Паника? Какие-то жалкие, человеческие, бумажные термины перед лицом этого.

Я стояла на краю смотровой площадки, мокрая насквозь, и смеялась. Тихо, почти беззвучно. Слезы текли по лицу, смешиваясь с во-

дяной пылью. Я сбросила туфли на каблуках, которые так подходили к образу успешного юриста, и встала босыми ногами на холодный, шершавый камень.

И тогда я это почувствовала.

Сначала – как лёгкую вибрацию в подошвах. Потом – как дрожь в воздухе, отличную от вибрации от падающей воды. Будто сама реальность, ткань пространства, начала колебаться. Звук водопада не просто оглушал – он будто рвал что-то. Рвал плёнку, которая отделяла мой упорядоченный, предсказуемый мир от чего-то другого.

Я видела, как в самом центре водяного котла, там, где пена кипела особенно яростно, воздух... искривился. Он не был прозрачным. Он стал похож на радужную плёнку бензина на луже, но в тысячу раз ярче, плотнее. И эта плёнка трескалась.

Не было страха. Был только шок. И какое-то исступлённое, нездоровое любопытство. Я сделала шаг вперёд. Ещё один. Камень под ногами был скользким.

«А что, если?..» – пронеслось в голове последней связной мыслью. Не мыслью юриста. Мыслью того дикого, забытого существа, что когда-то мечтало не о карьерной лестнице, а о приключениях.

Пространство передо мной разорвалось. Не с грохотом, а с тихим, чистым звуком, похожим на звон хрустального бокала. За разрывом не было ни водопада, ни камней, ни неба. Только ослепительная, всепоглощающая, абсолютная белизна.

Она накрыла меня с головой. Не было ни падения, ни полёта. Был просто... переход. Стирание.

Мой последний осознанный образ – это жёлтая обёртка от шоколадки «Алёнка», которую я так и не съела, кружащая в водяной пыли, прежде чем её поглотила белизна.

А потом не стало ничего.

Глава 2

Сознание вернулось ко мне не сразу. Оно пробивалось сквозь толщу какого-то липкого, бесшумного ваты. Сначала я почувствовала холод. Влажный, пронизывающий холод земли, впитывающийся в спину через тонкую ткань блузки. Потом – запахи. Сырая прелая листва, хвоя, цветочная сладость, которой не было в городском воздухе, и что-то ещё... металлическое, острое, как озон после грозы.

Я открыла глаза.

Надо мной было небо. Но не моё.

Тёмно-индиговое, бархатное, усыпанное звёздами, которых было в десятки раз больше, чем должно быть. И они мерцали странно: некоторые переливались зеленоватым, другие – сиреневым светом. А по этому небу плыли две луны.

Одна – большая, желтовато-белая, привычного вида, но раз в полтора крупнее. Другая – меньше, с фиолетовым отливом и шрамом из кратеров, похожим на стилизованную латинскую букву «Y». Они висели рядом, освещая лес призрачным, раздвоенным светом, который отбрасывал две слабые, перепутанные тени от каждого ствола.

Я лежала, не двигаясь, пытаясь встроить это зрелище в какую-либо логическую схему. Сотрясение мозга. Галлюцинации. Кома. Пункт 1: оценить обстановку. Я медленно повернула голову. Вокруг – высокие, стройные деревья с серебристой корой. Папоротники размером с человека. И грибы. Грибы светились. Мягким, голубоватым сиянием у подножия деревьев, как живые ночники.

«Химическое отравление. Угарный газ. Возможно, в водопаде был выброс токсичных веществ из геологического разлома», – лихорадочно работал мой мозг, цепляясь за последние остатки знакомой реальности.

Я попыталась сесть. Тело отозвалось тупой болью во всех мышцах, будто меня долго тащили по гравию. На мне была моя офис-